

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СЛОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ КРАЖИ ИМУЩЕСТВА
В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА)**

На материале региональных документов второй половины XVIII в. исследуются сочетаемостные свойства имен действий, позволяющие расширить представление о системных отношениях между отдельными лексемами.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, вариант слова, синоним, синтаксические связи, валентность.

Актуальность лингвистического исследования местных источников делового характера обусловлена тем, что они, с одной стороны, в большей степени, чем центральные документы, отражают живую разговорную речь, с другой стороны, свидетельствуют о территориальном расширении сферы функционирования делового языка нового типа, основы которого закладываются в XVIII в.

Одной из ярких черт исследуемых нами текстов забайкальской деловой письменности второй половины XVIII в. является разветвленная система вариантов слов и синонимов, употребление которых в период формирования русского национального языка представляет особый интерес, так как связано с проблемой становления нормы и стилистических ресурсов языка.

Традиционно варьирование понимается как «видоизменение внешней стороны слова, не затрагивающее его внутренней стороны – лексического значения» [Рогожникова, 1966. С. 9]. При таком понимании проблема слова и его вариантов рассматривается в тесной связи с проблемой тождества словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения слова и ограничивается прежде всего фонетическим и морфологическим уровнями [Шанский, 1972; Горбачевич, 1978; Тарабасова, 1986].

В то же время, понятие вариативности (вариантности) используется как «характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений» [Солнцев, 1984. С. 31]. В таком случае варьирование характеризует все уровни языка; выделяются фонетические, морфологические, лексико-семантические, синтаксические варианты [Мальшева, 1986].

Высокая степень варьирования языковых единиц в период становления русского национального языка обусловлена культурно-языковой ситуацией, характеризующейся сложной динамикой взаимоотношения книжно-славянской и народной разговорной стихий.

Отсутствие единой нормы, избыточность и полифункциональность языковых средств, вызванных процессом активного взаимодействия двух языковых идиомов на этапе формирования русского национального языка, неизбежно приводят к широкому появлению вариантов разных типов, в том числе и лексических. Однако эти же процессы обуславливают активизацию и других системных языковых отношений, в частности синонимии. Причем грань между вариативностью и синонимией в тот период была

настолько зыбкой, что обнаружить ее подчас весьма сложно. И здесь пристального внимания заслуживают сочетаемостные свойства слов. Именно сочетаемость варьирующихся слов с другими словами, а также единство их стилистической окраски, по мнению И. А. Малышевой, занимающейся исследованием варьирования языковых средств в письменных памятниках XVIII в., оказываются основным критерием, который позволяет установить семантическое тождество лексических единиц, тем самым интерпретировать их как варианты [Там же. С. 65].

«При варьировании мы имеем равноценные замены, не преследующие цели что-либо уточнить, конкретизировать, придать чему-либо иную окраску <...>. Совсем другое дело при использовании синонимов: все те цели, которые безразличны для варьирования, в синонимии выступают на первый план» [Там же. С. 66].

Объектом нашего исследования являются номинации кражи имущества как преступления против личности. В языке забайкальской деловой письменности второй половины XVIII в. для обозначения этого смысла используются следующие лексемы: *покража* – *воровство* – *кража* – *похищение*. В данной статье рассматриваются семантико-синтаксические особенности слов *покража*, *кража* и *похищение*. При внешней смысловой и функциональной идентичности эти слова в исследуемых деловых памятниках отличаются синтаксическими связями, количеством возможных валентностей, способностью употребляться в составе устойчивых формул.

Кража и *покража* вошли в широкий речевой обиход в XVII в. в рамках приказной традиции. Они не были известны ни старославянскому, ни древнерусскому языку (при наличии глагола *крати* праславянского происхождения). Не фиксируют книжнославянские и древнерусские тексты и слово *похищение*, образованное по церковнославянской модели в более поздний период (при наличии в древних текстах *похытити* ‘схватить, ухватить’). Для обозначения кражи имущества в старославянском языке использовались лексемы *въсхыщеник*, *татъба*, *татъбина*, в древнерусских памятниках отмечается также *въсхыщаник*, *краденик*, *крадъба* [Старослав. яз., 1999. С. 157, 293,

493, 690; СДЯ XI–XIV, 1991. С. 288, 280; Срезн., 1893. Т. 1. С. 430, 1311].

Среди исследуемых имен в деловых документах Забайкалья XVIII в. наиболее употребительной является народно-разговорная лексема *покража* (в среднем, на 65 словоупотреблений слова *покража* приходится 50 словоупотреблений *кража* и 18 – *похищение*). Широкая сфера функционирования, стилистическая нейтральность, неограниченные сочетаемостные возможности данного слова позволяют считать его ключевым в ряду вышеназванных лексем, определяющим их лексико-семантические и морфолого-синтаксические отношения в региональной деловом узусе.

В большинстве документов у слова *покража* обнаруживаются 3 обязательные синтаксические валентности: объекта (*покража чего?*), пациенса (*покража у кого?*), места (*покража откуда?*). Ср.: *Рапортъ о покраже ѿ канонира Петра Кѣрба | това в Тресковскои слободе в зимовье у посадского | Федора Фрышкина из саней суз денгами и товаромъ | на тридцать рѣблевъ* (НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 1, 1769); *с поданного во оное правление о^м селского заседателя Изосимова в покраже у него | денегъ і про^мчаго о^бявления* (НАРБ: указ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 17, 1786); *о покраже из оной земскои избы <...> денегъ* (НАРБ: доношение, ф. 20, оп. 1, д. 5985, л. 24, 1788); *в покраже у ни^х 14 ч ис квартиры отставного | салдата Прасалова вещи и денегъ* (НАРБ: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 561, л. 1, 1789); *по <...> сле^оственному делу о покраже у заво^о | чика Паколкова <...> казенной соли* (НАРБ: сообщение, ф. 20, оп. 1, д. 1616, л. 117, 1793).

Указание на субъект, имущество которого подверглось краже, кроме конструкции с предложным родительным (*у кого?*), эксплицируется в исследуемых документах с помощью притяжательного местоимения, представляющего вариативный способ выражения данного значения. Ср.: *и в покраже вышписанныхъ моихъ пожитковъ | и денегъ имею точное на него Трутнева сумнение* (НАРБ: доношение, ф. 20, оп. 1, д. 40, л. 2 об., 1784); *на подаваемое ко оны^м дела^м о^м меня прошение | в покраже верхнеудински^м мещанино^м Герасимо^м Плюсни | ны^м споросои моеи свиньи взять былъ в полицью* (НАРБ: прошение, ф. 88, оп. 1, д. 674, л. 1, 1797); *и по ух^о ево того числа | в ночи*

взделалась из моего дому покража (НАРБ: объяснение, ф. 90, оп. 1, д. 11, л. 47, 1798).

Синтаксически факультативной у лексемы *покража* является валентность агента кражи, соответствующая обязательному семантическому актанту исследуемых имен действия: *требование прислано было о покраже | онаго ескадрона драгуно^м Улановымъ | в кабанско^м остроге из лавки <...> то | варовъ и денегъ* (НАРБ: промемория, ф. 88, оп. 1, д. 282, л. 31, 1781); *поданное о^м селенгиског^о | мещанина Ивана Зѣва <...> о покра | же у него неведомыми ворами из дом^о | ево пожитковъ о^бявление* (НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 813, л. 20, 17872); *по делу о покраже крестницеи ево | девкои Новокрещенои Федосьеи у купца Федосея | Шелгачева разныхъ вѣщеи* (НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2683, л. 1, 1795). Часто причины языковой нереализованности данной позиции кроются в пресуппозиции, а именно: либо в отсутствии у говорящего точной информации о субъекте кражи, либо, наоборот, в прозрачности описываемой ситуации, не требующей специальной экспликации. Ср.: *ссылнои Бе^т / ченковъ при допросе о покраже днгъ показаль и сие, что в прошломъ 1785 год^о в бытность ево | при полиции в ходокахъ <...> покраль обще селенгискаго вто | раго баталиона с профоссомъ Михаиломъ | Светлегодскимъ четыре чашки чѣстныхъ* (НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 75, 1787).

Общую картину употребления лексемы *покража* дополняют немногочисленные контексты, в которых данная лексема встречается без каких-либо уточняющих дополнений: *а того же марта 30го числа обнаружили и виновники покражи* (НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 82, 1787); *дабы онъ сего крестьянина | яко уже обличенного в покраже допросилъ какъ подле | жи^м* (НАРБ: прошение, ф. 88, оп. 1, д. 469, л. 91, 1793).

Лексема *кража* также свободно подчиняет себе слова и предложно-именные группы слов, соответствующие семантическим актантам объекта, пациенса, места кражи. Ср.: *за кражу та^м же в крепос | ти у солдата Сергеева изъ ящика кошелька | з денгами* (НАРБ: экстракт, ф. 88, оп. 1, д. 534, л. 37, 1788).

Единство стилистической окраски, идентичность синтаксических связей свидетельствуют об использовании данных имен действия как равноименных замен, находя-

щихся в отношении конкуренции. При этом *кража* встречается и в конструкциях, нетипичных для слова *покража*, в частности в составе именных групп с анафорической функцией: *убоясь за о^млѣчк^о и показанную кражу в рот^о яви^мца | пошоль внизъ по Селѣнге рек^ѣ* (НАРБ: указ, ф. 88, оп. 1, д. 106, л. 96, 1773); *в разсужденіи того что оная кража имъ учинена на малое число денегъ* (НАРБ: указ, ф. 20, оп. 1, д. 1616, л. 169, 1794); *за помянутую учиненную имъ кражу | на основании воинскаго устава <...> | определено прогнать ево ипицрутенъ чрезъ | тысячу человекъ* (НАРБ: ордер, ф. 11, оп. 1, д. 16, л. 25, 1797).

Кроме того, при широких синтагматических связях в употреблении данного слова обнаруживаются две важные закономерности. Прежде всего, функционирование слова *кража* регламентировано рядом устойчивых формул.

Самым многочисленным является его употребление в составе формулы определения наказания за совершенное преступление: *за пять | самовольн^х о^м команды о^млучень j за одн^о кражу сечень бы^т / батожьемъ пять разъ* (НАРБ: ордер, ф. 88, оп. 1, д. 9, л. 343, 1766); *гонень ипицрутенъ <...> за кражу у крестьянина сѣдла с стременами и за продаж^ю | за границ^ю киташцамъ чрезъ тысячу жъ члвкъ двенатцеть разъ* (НАРБ: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 91, л. 37, 1772); *за побегъ из селенгискаго пехотного по^тку и за краж^о | у обывателеи лошадеи и протчаго гонень ипицрутенъ чрезъ тысячу | члвкъ шесть разъ* (НАРБ: экстракт, ф. 88, оп. 1, д. 226, л. 33 об., 1781); *за кражу из церкви церковн^х денегъ го | нень ипицрутенъ чрезъ тысячу человекъ шесть разъ* (НАРБ: указ, ф. 88, оп. 1, д. 534, л. 45 об., 1788).

Другим типичным способом введения слова *кража* в деловой текст является использование термина в формуле, информировавшей об инициативном документе, послужившем основанием для составления директивной, отчетно-исполнительной или судебно-следственной документации. Речь идет о формулах-словосочетаниях с варьирующейся предложно-падежной формой *по делу, по сообщению, по объявлению в краже – по делу, по сообщению, по объявлению о краже*. Ср.: *с присланн^х | о^м верхнеудинскаго городского магист^{ра} | та с ратмано^м Лысковцова^м укосну | виш^х ся по делу в краже у селскаго заседа | теля Изосимова*

денегъ i протчаго (НАРБ: ордер, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 31, 1786); *по объявлению верхнеудинскаго ме | щанина Григорья Шергина, в краже у него | въ Верхнеудинске в гостининомъ дворе и лавки* (НАРБ: сообщение, ф. 88, оп. 1, д. 644, л. 11, 1792); *по сообщению оной нижней расправы минувшаго | июня 21 числа между прочимъ прописывая по че | лобию де иркутского архиерейского дому служителя | Алексея Шергина браского острога на крестьяни | на Ивана Кокорина в краже имъ Кокоринымъ | у него Шергина денегъ* (НАРБ: сообщение, ф. 20, оп. 1, д. 257, л. 8, 1784) – *по имеющемуся здесь о краже | казенного серебра делу* (НАРБ: указ, ф. 88, оп. 1, д. 23, л. 13, 1767); *по сообщению отъ оныхъ городнически^x дель | <...> о учинивше | ися у сельского заседателя Изосимова денга^m | и разныхъ вещь^a краже* (НАРБ: сообщение, ф. 88, оп. 1, д. 463, л. 16, 1786).

Обращает на себя внимание сфера функционирования лексемы *кража*, ограниченная в основном рамками распорядительно-уведомительной и отчетно-исполнительной документации (указы, ордера, рапорты, сообщения, экстракты), в которых в первую очередь отражались общенациональные тенденции становления норм литературного языка. Лингвистическое содержание данных видов деловых бумаг во многом определялась их функциональной направленностью, директивным и отчетно-исполнительским характером, что способствовало закреплению в языковом сознании делопроизводителей встречающихся здесь терминологических форм и канцелярских штампов. Именно жанровая закреплённость данной лексической единицы могла послужить одной из причин дальнейшей перспективы ее усвоения в качестве ключевой номинации такого вида преступления, как присвоение чужого имущества.

Определяющим в условиях лексической конкуренции оказывается и аспектуальная характеристика глаголов, мотивирующих термины *покража* и *кража*, одинаково связанные с приказной традицией. Усиление нормализационных тенденций в языке приводит к упорядочению средств выражения видовой семантики, вытеснению одних продуктивных моделей другими. Несмотря на активность словоупотреблений глагола *покрасть*, синтаксическим дериватом которого является *покража*, в новый деловой язык

проникают перфективные глагольные формы с синонимичной приставкой *у-*, почти не известные приказному языку, но знакомые древнейшим книжным текстам [Старослав. яз., 1999. С. 733; Срезн., 1912. Т. 3 С. 1186]. Ср. в исследуемых документах: *за намерение украсть пшеничнои | муки вместо наказания о^mдалень о^m границы* (НАРБ: экстракт, ф. 88, оп. 1, д. 534, л. 37, 1788); *кто изъ показанныхъ людей | у него денги украсть не видалъ* (НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 528, л. 5, 1788); *сега года в се | носное время украсть у него котель медной* (НАРБ: объяснение, ф. 88, оп. 1, д. 494, л. 88 об., 1792). Постепенное расширение сферы функционирования глагола *украсть* приводит к тому, что *покража* перестает поддерживаться соответствующим приставочным глаголом, благодаря чему и вытесняется на периферию употребления.

Особый интерес представляет функционирование в памятниках деловой письменности Забайкалья XVIII в. синтаксического деривата *похищение*, характеризующегося прежде всего объектной валентностью.

Как уже было отмечено, при наличии глагола *похытити* ‘схватить, ухватить’ субстантив с приставкой *по-* не был известен старославянскому и древнерусскому языкам. В Словаре русского языка XI–XVII вв. примеры, иллюстрирующие значения лексемы *похищение* (*похыщение*), датируются XVI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII, 1992. С. 52, 53]. В этот период у слова отмечаются два значения: 1) ‘обретение, стремление к получению чего-л.’, связанное с исконным значением производящего глагола; 2) ‘похищение, захват, грабеж’, изначально не свойственное производящей основе и возможное только в результате изменения семантики глагола *похытити*.

В XVIII в. круг употреблений лексемы *похищение* расширяется, обнаруживается дальнейшая специализация семантики слова. Актуализируются два основных значения: ‘насильственное присвоение чужого’ и ‘похищение, кража людей’. Данные значения у слова фиксируются в Вейсмановом лексиконе 1731 г. и Лексиконе Целлария 1746 г. [КСлРЯ XVIII]. Однако в широкий деловой обиход *похищение*, по всей видимости, входит только во второй половине XVIII в., что подтверждают материалы региональных исторических словарей, практически не фиксирующие данное слово для

периода XVII в. – первой половины XVIII в. (см.: [Овчинникова, 2008]).

Функционирование лексемы *похищение* в языке деловой письменности Забайкалья второй половины XVIII в. свидетельствует о дальнейшей трансформации значения слова в рамках формирующейся терминологической системы. Несмотря на ограниченное количество словоупотреблений, *похищение* в деловых документах отличается прозрачностью семантики: оно обозначает ‘тайное присвоение (кража) государственного и общественного имущества’, что закономерно обуславливает его жанровую закреплённость. Данное преступление совершается в результате злоупотребления служебным положением или по недосмотру материально ответственных лиц. Объектом похищения обычно являются:

- казенные деньги, а также деньги частных лиц, полученные для служебных целей: *о самоскорешемъ окон | чаніи всехъ дель в коихъ закло | чаитца похищение казенныхъ денегъ* (НАРБ: предложение, ф. 88, оп. 1, д. 247, л. 124, 1780); *по выше | писанному дѣлу о похищеніи денегъ, по конфермаціи его превосходительства б числа прошедшаго маяя положенное | наказаніе бывшаго за казначея сержанта Быкова к лишению чино⁶* (НАРБ: ф. 88, оп. 1, д. 6, л. 1, 1785); *по показанію тре | сковского питеиноного дому от сиделца | крестьянина Каргополцова, о похище | нии у него вырѣченны^х за казенныя | питья денегъ и^нинскими мещана | ми* (НАРБ: сообщение, ф. 20, оп. 1, д. 937, л. 17, 1787); *въ похищеніи меня во время проезда <...> | хозяина моего иркутскаго купца Исолянова по | ставщика Андрея Саватеева <...> будучи я в Брянской деревне, в доме | ясаинаго Матфея Смирныхъ, похищено имъ | у меня изъ баргаментовой книшки денегъ* (НАРБ: объявление, ф. 88, оп. 1, д. 494, л. 158, 1794);

- государственное и общественно значимое имущество: *ѡ определении для хранения ѡ^m похище | ния поставленного в опасно^m месте селенгинского | посацкаго Абросима Ясырева* (НАРБ: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 67, 1768); *потребно вамъ вѣдать, по^лѣ смерти бывшаго в здѣшнѣ^m мнстрѣ | архимаⁿдрита Антонія сколько какого ево движимаго всякаго поро³нѣ | жменія при томъ денегъ j серебра ѡ^cтало^c, <...> j не*

было^a j^c того кѣмъ чего в похищеніи (ПЗДП: известие, 44, л. 115 об., 1764);

- провиант (воинские хлебные запасы): *за умедление к доносѣ на бывшаго провиантъ камисара Михалева в похищеніи провианта и за прочее гоненъ ишцирѣтенъ* (НАРБ: рапорт, ф. 88, оп. 1, д. 132, л. 138 об., 1774).

Таким образом, будучи собственно русским новообразованием, лексема *похищение* отражает языковую динамику начального периода формирования русского национального литературного языка, когда расширяются функции церковнославянского языка, его словообразовательные возможности. Вовлечение славянизмов в деловой язык приводит к активизации отдельных словообразовательных моделей, в частности увеличивается количество отглагольных абстрактных существительных на *-ние*. Освоение книжного слова, включение его в лексико-тематический ряд сопровождается его семантической трансформацией.

Проведенное нами исследование показывает, что, наряду с параллелизмом и обильной вариативностью наименований, избыточностью средств номинации, закономерных в условиях формирования русского литературного языка нового типа, в языке деловой письменности XVIII в. обнаруживаются тенденции к специализации значения слов, обусловленной стремлением вербально дифференцировать представления, связанные с теми или иными понятиями.

Анализ сочетаемостных свойств имен действий, реализованных в региональных документах второй половины XVIII в., позволяет расширить представление о системных отношениях между рассмотренными лексемами, восстановить отдельные этапы процесса семантического преобразования слов, постепенной перестройки их актантной структуры, выравнивания синтагматических связей между формирующимися синонимами.

Список литературы

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка: Моногр. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 238 с.

Мальшиева И. А. Варьирование языковых средств как отражение становления нормы русского языка (на материале письменных памятников XVIII в.) // Становление и развитие норм русского языка XVII–XX вв.: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Л. М. Городиловой. Хабаровск, 1986. С. 56–73.

Овчинникова М. В. Терминология уголовного права XVIII века (На материале памятников деловой письменности Забайкалья): Дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. Улан-Удэ, 2008. 250 с.

Рогожников Р. П. Варианты слов в русском языке: Моногр. М.: Просвещение, 1966. 160 с.

Солнцев В. М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопр. языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

СДЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1991. Т. 4.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков / Гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1992. Вып. 18.

Срезн. – *Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1893–1912. Т. 1–3.

Старослав. яз. – Старославянский язык (по рукописям X–XI веков). 2-е изд. / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес, Л. Пацнерова, М. Бауэрова; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.

Тарабасова Н. И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в.: Моногр. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1986. 162 с.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1972. 327 с.

Список источников

КСлРЯ XVIII – Картотека словаря русского языка XVIII в.

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.

ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова; под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ, 2005. 260 с.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2009

S. V. Rusanova

SYNTACTIC LINKS AS REFLECTION OF SEMANTIC SPECIALIZATION OF WORDS (ON THE BASIS OF TERMS OF THEFT IN TRANSBAIKALIAN BUSINESS TEXT IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY)

With regional documents of second half of XVIII century as basis, combinative traits of process names are analyzed; it allows to expand the knowledge of systemic relationships between particular lexemes.

Keywords: regional business texts, word (lexeme) variant, synonym, syntactic links, valency.